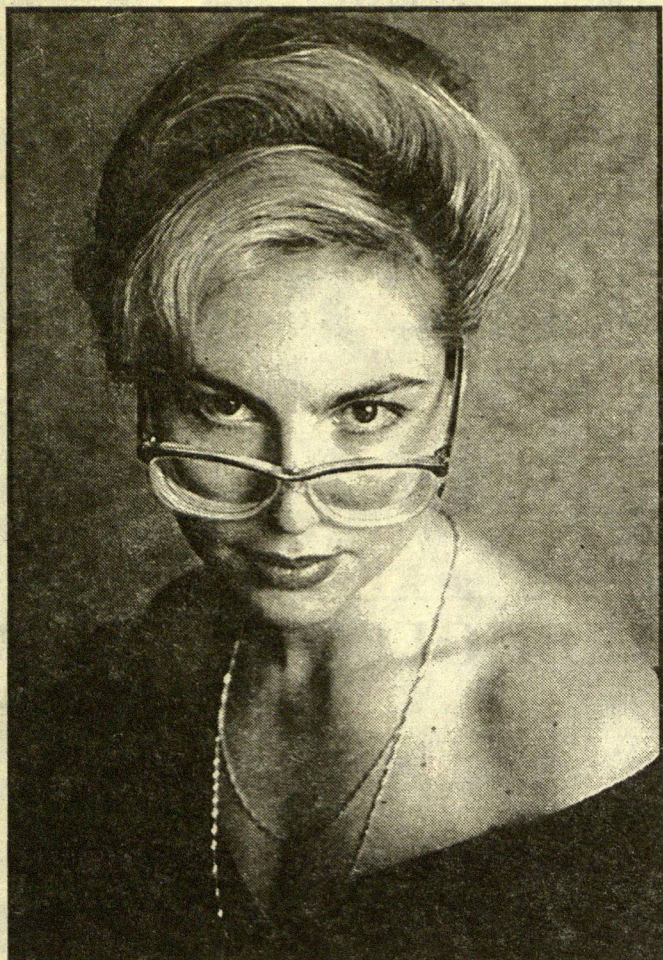

*А молодость похожа на полет:
смеется, любит, чувства не скрывает,
и солнце пьет, и ягдодй цветет,
и, наливаясь, сладко поспевает!*

Поэтесса Елена Ерофеева.

Камера Александра Гордеева.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ЧИТА

литературная

№ 3

Август 1996 г.

ИСТОКИ

Первый областной праздник бурятского фольклора организовали областная ассоциация бурят, областное управление культуры, областной центр народного творчества и коллектив Читинского училища культуры.

*Дулмажан Жамсоева,
преподаватель Читинского
училища культуры*

РИТМ НЕРАЗРЫВНОГО КРУГА

Праздник впервые собрал в единый хор не только жителей Агинского автономного округа, но и бурят еще семи районов восточного Забайкалья.

Слово "хамниган" на бурятском языке означает "эвенк" или "тунгус". Формирование основного этнического состава нынешнего населения олонских хамниган происходило не ранее, чем триста лет тому назад в ту пору, когда начались внутренние распри в Халхи-Монголии. В то время на территорию Забайкалья устремились монголы, эвенки, другие этнические группы в поисках

спокойной жизни, произошло их смешение с аборигенами, обитавшими по реке Онон. Так писал известный собиратель фольклора монгольского народа Ц. Жамцарано.

Однако, вернемся к празднику. В программах выступлений самодеятельных артистов прозвучали старинные обрядовые бурятские песни с элементами свадебного ритуала, урезы — благопожелания, песни с элементами игрового характера, песнопения мантры — божества буддийского пантеона, славящие богиню Арьябалы, песни местного фольклора.

Традиционное исполнение ехоров каждым коллективом было сугубо индивидуальным по рисунку танца, поскольку бурятский фольклор — продолжение природы в красках, рисунках костюмов. Течение голубого Онона, зелень леса, синь неба, причудливые очертания гор, пение птиц участвовали в создании праздничной атмосферы — естественной, непринужденной, доброжелательной. Мысли о Вечности, о том, что человек — часть природы, которого сегодня надо излечить от духовных заболеваний

(Продолжение на 2 стр.)

КРАСНАЯ СТРОКА

**В этой жизни, исполненной свиста
смысла нет. И она оттого
выше самого умного смысла.
Шире смысла.
И глубже его.**

Вячеслав Вьюков

А к обеду взломалась река.
Хорошо!
Испаряются крыши.
И на север текут берега
Мимо льдин
со следами покрывшей.
Я стою на крутом берегу,
Разминаю в руке папиросу.
Я остаюсь — увя! — не могу,
Все на свете устроено просто.
И не глыбы весеннего льда
Тают, плачут, плывут, и смеются.
Это мы уплываем всегда,
А они навсегда остаются.

Лишь только вечер

светом лунным
Осеребрят унылый снег,
Выходит из лесу бесшумно,
Не знаю, зверь или человек.
Костер горит, и, слава Богу.
И я читаю у огня.
А он недвижно и подолгу
Из чаши смотрит на меня.
Я утра жду, как ждут побега,
И, согреваясь на ходу,
По розовеющему снегу
До перелеска я бреду.
И, признавая поражение,
Хотя и не было беды,
Со страхом или с уважением
Ладонью трогаю следы.
И, сам себя не понимая,
И, отвергая чудеса,
Без мыслей, просто созерцая,

Смотрю подолгу в небеса.

Бывают над селами

странные ночи

При ясной и белой

морозной луне —

Написанный светом

медлительный росчерк

Является нам в вышине.

То светлые полосы небо разделят,

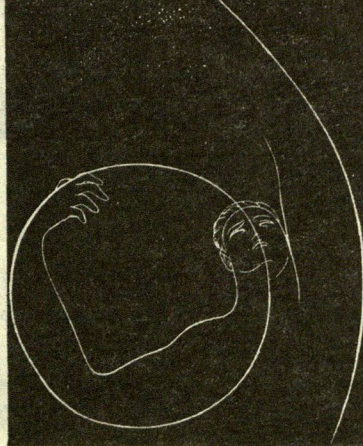
Как будто к великой беде.

Полос почему-то всегда

ровно девять,

И их неслучайность

пугает людей.

А то проступают неясные знаки
В спиралях, изгибах, изломах,
кругах.
Скулят беспричинно

цепные собаки.

И людям не спится в надежных

домах.

В такие минуты я с недоумением,

как будто не я, озираюсь кругом.

На лес, на дорогу в карьер,

на деревню,

На белую даль сенокосных лугов.

И кажется мне,

что в какие-то лета,

В каком-то, не знаю, каком

далеке,

Я сам понимал эти полосы света

И сам говорил на ином языке.

Таковыми ночами я дверь запираю,

Смотрю из окна

на деревню в снегу,

Курю и, не знаю,

что сам вспоминаю

И вспомнить никак не могу...

Я люблю тебя,

Вечностью взят.

Я люблю тебя.

Так на расстреле

Отмечает угаснувший взгляд:

...высоко журавли пролетели.

Это я,

Состоящий из тьмы,

Отвергая любые пределы,

Пью тобою пронизанный мир,

Воздух твой и холодный,

и белый.

Принимаю хулу и позор,

Падший,

Слабый,

Бессильный,

Постылый,

Чтобы ты ненавидя, взор

На меня,

На меня обратила.

В НОМЕРЕ:

Леонид Авербах

Со временем я по-иному, может быть, более глубоко стал воспринимать фразу Глинки: "Народ создает музыку, а мы, композиторы, аранжируем ее".

Дмитрий Бахарев

Может, и не было никогда самой собаки, а череп лежит. Лежит среди хвои и шишек сосновых, ковыряя зубами землю, глядя в небо и на рыжик поодаль.

Виктор Лавринайтис

Так почему же смакуем прошлое коммунистической партии? Ведь у коммунистов и у религии одна мечта: равенство и счастье всех людей. Повторяю, страшное у коммунистов уже история.

Сергей Забешин

Я пытаюсь писать смешные вещи, потому что в этом мире слишком много грустного. Причем раньше, когда я был моложе, мне писалось гораздо проще.

Владимир Галактионов

Лебедей взаправдашних я видел только в московских зоопарках да в кино. А записные книжки, каюсь, нередко выкидывал. Теперь-то понимаю, какое это расточительство...

РЕПОРТЕР

Сергей Забелин
МИР ДВОРЦАМ!

Кому из читинцев не известно недостроенное белокаменное здание по улице Бутина, возле кинотеатра "Родина"? К его возведению приступили в начале восьмидесятых годов и первоначально предполагали разместить в нем дом политического просвещения. Но времена изменились, надобность в помпезном Дворце коммунистической идеологии отпала, да и средств на окончание работ уже не было. Около десяти лет это уникальное для наших мест здание, на 85 процентов готовое к пуску в эксплуатацию, простояло без дела.

Специалисты расходятся в оценке даже предварительного, минимального ущерба, который нанесен дому политпросвещения за период его бесхозного прозябания. Называют цифры от 2,5 до 10 миллиардов рублей. В нынешних ценах.

Все, что можно было здесь утащить или поломать, — утащили и поломали. Стройплощадка превратилась в кучу мусора.

Для завершения строительства потребуется выполнить объем работ примерно на тридцать миллиардов рублей. Только на восстановление теплотрассы и подключение тепла надо три миллиарда...

Существовало несколько предложений о вероятном применении здания. Подумывали создать в нем или Дворец молодежи, или международный бизнес-центр. Но не находилось хозяина, который был бы в состоянии вложить немалые средства в завершение начатых масштабных работ. Наконец, недавно вопрос о дальнейшей судьбе долгостроя, похоже, нашел окончательное решение. Глава администрации Читинской области Равиль Гениатулин подписал постановление "О завершении строительства в г. Чите бывшего дома политпросвещения для использования в качестве Дворца искусств". Для реализации функций заказчика учреждено государственное унитарное предприятие "Дирекция строящегося Дворца искусств".

Вот что рассказал нашему корреспонденту его директор Вячеслав Толкалин:

— Миллиарды, необходимые для завершения строительства,

для скудного областного бюджета большие деньги. Понятно, что с финансированием будут серьезные трудности. И хотя завершение строительства Дворца — это первоочередная задача, но не самая главная. Более сложной представляется задача наполнения здания содержанием, соответствующим его статусу и той роли, которую должно играть это учреждение в культурной среде города и области. Стены — это только стены. Искусство делают люди. Поэтому уже сейчас встает проблема подготовки кадров, для чего намечена обширная программа, реализация которой тоже требует немалых средств. Предполагается, что во Дворце будет свой камерный оркестр, балет, кукольное варьете, театр для подростков, издательство с типографией, небольшой ресторан. Здесь расположится самый большой в Забайкалье зрительный зал на 1200 мест, а также малый зал, библиотека и многое другое.

— Мы задумали, — говорит В. Толкалин, — создать театральное-зрелищное предприятие совершенно своеобразного типа. Это многопрофильный культурный центр. Если не наполнить его содержательным эквивалентом, все затраты на строительство будут ничем не оправданы.

Считаю целесообразным на первоначальном этапе осуществить следующие мероприятия. Во-первых, вступить в переговоры о сотрудничестве с Пермским или Новосибирским хореографическими училищами и уже с 1.01.97 набрать подготовительную группу 6—7-летних детей, ориентируя их на дальнейшее обучение профессии артиста балета. Во-вторых, набрать группу девушек и юношей в собственную студию для подготовки артистов-кукольников, чтобы к открытию Дворца были готовы один-два спектакля кукольного варьете для взрослых. В-третьих, заключить договоры со студентами одной из консерваторий, чтобы выпуск 1998 года в составе камерного оркестра (не менее 11 человек) приехал в Читу. Потребуется жилье, возможно стипендия. В-четвертых, надо начать комплектование библиотеки литературой по искусству, аудио-, видеоматериалами.

Как считает директор строящегося Дворца искусств, если проблемы финансирования будут решены, то новое учреждение культуры сможет открыться примерно в январе 1999 года или немного позднее.

НА СНИМКЕ: бывший дом политпросвещения, будущий Дворец искусств.

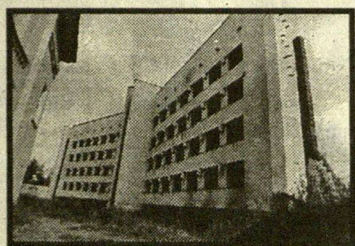

Фото А. КАСЛОВА.

КАК АУКНЕТСЯ

Перелистывая тоненькую книжку стихотворений Виктора Ештокина, читинского журналиста, бывшего лесоруба и шахтера, человека хорошо знающего труд золотодобытчиков Забайкалья, и вижу, как сложились строки о природе и золоте, друзьях и попутчиках, о себе и своих раздумьях — трудно, с промывкой многих тонн пустой породы, с жадным поиском фарта, с непобедимой верой

в свою удачу найти настоящую золотинку поэзии.

У поэта толково сказано:
в грамм добыча,
а в год — труды.
На стекле,
проводком привязанный,
твой портрет.
Как кристалл руды.

Любой выход поэтической книжки — знаменитого или начинающего автора — факт литературной жизни. "Золо-

тая радуга" читается с любопытством и вниманием. Не гаснет в душе надежда, что Виктор Ештокин на правильном пути. Дай Бог, хватит терпения, труда и фарта. Во всяком случае, изданием первой книжки автор заслужил право на прочтение. Обратим внимание. Подумаем. Взвесим. Скажем одобritельное слово. А это для пишущего как солнечный зайчик на кристалле руды.

М.М.

Я познакомился с ней три года назад. Распечатал конверт, на котором стоял обратный адрес: Могойтуйский район, с. Ортуй. Прочитал одно стихотворение, другое и удивился — почему до сих пор не слышал имени самобытной поэтессы Доржо-Ханды Цынгуйевой?

Борис Макаров

Доржо-Ханды Цынгуйева

Хмурят мшистые брови
Из предвечной мглы
Каменные надгробья
Древних могил.
Ветер разводит волны
В шелковом ковчеге.
Кто он-арат? Воин,
Спящий века в земле?

Крылья расправил стрепет,
Когти слегка разжал.
Тысячи раз в степи
Падал войны пожар.
Боже, но как тревожно
Время, данное нам.
В грозы одет Грозный,
В хаки — Таджикистан.

Дочка прижалась к маме,
Вскрикнула: "Ой!"
Вновь гробовые камни
Становятся в строй.
Сокол приподнял плечи.
Плывет над землей мгла.
Клюв — стрелы наконечник.
В кого полетит стрела?

РИТМ НЕРАЗРЫВНОГО КРУГА

(Начало на 1 стр.).

ний, от злости, невежества, алчности, самолюбия, зависти, гордыни приходили в душу, когда всадники со священными знаменами Гэсэра появились со свитой на сценической площадке, от белых юрт, от огня — символического очага хамниган.

Хочется низко поклониться участникам фольклорных групп, многим из которых далеко за пятьдесят, за то, что они сберегли песни, танцы и родную речь — основу бурятской духовности.

Прикладное искусство — одно из разделов бурятского фольклора. Это резьба по дереву, кости, изделия из кожи и меха.

Открытием для многих местных жителей была передвижная выставка из Улан-Удэ. Здесь были представлены изображения пятнадцати богов и святых ликов, шитье, изделия мастеров из серебра, художественная обработка дерева: кухонная утварь, женские

украшения, изображения драконов и мифических птиц. Праздничная национальная одежда, ее звучные цветовые сочетания составили гармонию с живой природой.

Коновязь у юрты — символ гостеприимства, широты степной души, богатства внутреннего мира бурят. Два дня на берегу Онона у коновязей встречались дружба. Конь в фольклоре бурят — главный персонаж, друг героя, образ прошедшего, будущего и настоящего, многих старинных песен и легенд.

Хамниган — это ощущение тесного взаимопроникновения и взаимообогащения фольклора бурятского и русского народов, населяющих Забайкалье, схожесть ритуальных моментов, ассоциаций образов и действий.

Истинное богатство бурят — духовная сила. Она позволяла участникам праздника сознавать, что среди прекрасного цветка че-

ловечества на этой земле есть один неповторимый лепесток со своим укладом, языком, песнями, танцами, улигерами, тайнами...

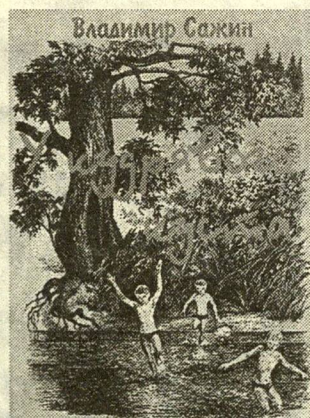
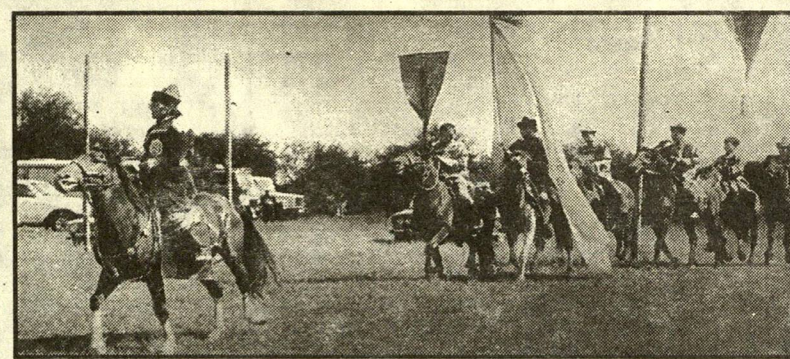
Традиционный танец ехор выстраивается по кругу, как движение Солнца и Земли. В легендах хамниган Солнце олицетворяет божество. Дочь Солнца и смелый богатырь Субудей-Мэргэн влюбились и от них пошел род хамниган. Об этом поведало зрителям театрализованное действо под открытым небом на берегу Онона.

Когда мы приехали на Онон, на поляне сидел огромный седой орел. Он взмыл и долго кружил над нами, словно напоминая, что в песнях и преданиях хамниган птица Орел, — символ и хранитель жизни малочисленного сегодня, но отважного и стойкого народа.

... И ширится нескончаемый круг ехора, потому что, если вместе, если дружно, этот святой круг никому не разорвать.

Фото А. КАСЛОВА

Поэт Владимир Сажин — самый "далекий" в Читинской области. Он живет в селе Кыра. Поле и колос, посевная и уборка хлеба, сенокос и пасека, сладость спелой пшеницы, горечь полыни, горячий металл трактора, алые зори и огненные закаты, звезды в реке и солнце в душе — любимые образы, звуки и краски его лирической поэзии.

Традиционность, подчеркнутая неспешностью и ясностью стиля, душевный покой, корневая связь со счастливым ходом и ис-

ЧЕРЕП СОБАЧИЙ

Лежит в лесу за Карповкой собачий череп. Всю осень лежит. Может, и не было никогда самой собаки, и не бегала она по земле, и не грызла веник и тапочки, и не гадил на ковер, и не гоняла кошек, и не хватала за задницы пролетарских ребятишек, и они потом не плакали. Может, и не было никогда самой собаки, — а череп лежит. Лежит среди хвои и шишек сосновых, ковыряя зубами землю, глядя на небо и на рыжик поодаль. Лежит и смотрит, как ходит вокруг гриба худой парень с ножиком, ходит и любуется. То на рыжик посмотрит, то вдруг сплюнет и песню поет. Так и глядят они: парень на рыжика, а череп — в небо.

Парень ходит и думает: "А вот собаку убили".

А череп думает: "Да не было никакой собаки".

Парень снова: "А череп лежит, вот парадокс".

Череп думает: "Срежет рыжик или нет".

Парень думает: "А вот и вправду, срежу или нет?".

А череп: "Да не было никакой собаки".

А парень сплюнул и песню поет. И ходит вокруг рыжика.

Рыжик думает: "А вот срежет или нет?".

А парень в ответ: "А была ли вообще собака?".

Череп размышляет: "Лежу здесь — вот парадокс!".

А рыжик сплюнул и песню поет.

Череп катается вокруг парня, а тот лежит и думает: "Укусит или нет?".

Череп ему: "Да не было никакой собаки".

Черви ползут и разговаривают: "Кто вкуснее, рыжик или парень?".

Парень ест гриб и отвечает: "Не дождетесь!".

А череп лежит и смотрит в небо. Небо говорит: "И ты череп!".

Слушал он, слушал — а потом смотрит — ни парня, ни рыжика. И черви уползли...

Дмитрий Бахаев

Окончил хоровое отделение Читинского училища культуры. Несколько лет выступал как рок-музыкант. Принимал участие в выпуске самиздатовских литературных альманахов. Последние три года — ведущий передач областного радио. Продолжает занятия музыкой и эксперименты в области художественной прозы.

"Лиха беда — начало" — так была озаглавлена первая заметка Владимира Галактионова, опубликованная в "Комсомольце Забайкалья". Было это в 1958 году. Ныне он — один из ведущих профессиональных журналистов Забайкалья, автор многочисленных публикаций в газетах разного ранга, на радио и телевидении.

Владимир Галактионов

Братья Соломины — Юрий и Виталий — чинтинцы. В нашем городе они родились и учились. Юрий — в пятой мужской, Виталий — в четвертой уже совместного обучения.

Первые шаги на театральную сцену они сделали в Читинском доме пионеров, который располагался на углу улиц Полины Осипенко и Ленина. Сейчас здесь кинотеатр "Удочкан". Отец ребят Мефодий Федорович работал в доме пионеров хорвиком, мама Зинаида Ананьевна была аккомпаниатором.

Виталия я запомнил в году этак пятьдесят девятом. В канун Первомайских торжеств в нашем пединституте, где я учился, кому-то пришла в голову мысль провести совместный вечер студентов со старшеклассниками подшефной четвертой школы. Точнее, это была базовая школа, где студенты проходили педагогическую практику.

И вот на сцену вышел белобрысый мальчишка с очаровательной полуулыбкой. Пел он о том, что в город приходит весна. Это и был тогдашний десятиклассник Виталий Соломин, который вскоре поступил в щепкинское.

На просмотр фильма "Любимая" по погодинскому "Янтарному ожерелью" я опоздал, титры уже промелькнули. Но в актере я сразу узнал того старшеклассника из четвертой читинской школы...

ЗАПАДНЯ ДЛЯ ОДИНОКОГО МУЖЧИНЫ

ветской России" — фотография Соломина и объемное интервью с заголовком, которым я назвал этот материал, "Западня для одинокого мужчины". И мы решили встретиться с нашим земляком. На наши телефонные звонки жена актера отвечала, что Виталий днем на репетициях в своем театре "Детектив", а по ночам и вечерам на съемках какого-то фильма. Однако "окно" в его расписании мы нашли и сняли

короткое интервью. Расшифровка этой беседы сохранилась.

Соломин: Идея пришла Юлиану Семенову, который предложил Ливанову, тот — мне создать детективный театр. Очевидно, Юлиану эта мысль пришла в тот момент, когда он стал президентом Детективного общества, съезд которого состоялся на Кубе. Почему "Детектив"? Я-то считаю, что все жанры надо развивать, особенно те, которых у нас не хватает, — музыкального театра и детективного. Кстати, такого театра нигде в мире нет.

Корр: Содружество с Ливановым — случайность? Или после известного фильма вы стали работать вместе?

Соломин: Да, после фильма "Шерлок Холмс..." началась наша совместная работа. Был еще спектакль в Малом "Мой любимый клоун", им написанный, мной поставленный. Не обязательно быть вместе всегда. Но пока идет — пусть идет, а нет — разойдемся...

Корр: Читы вы вспоминаете?

Соломин: У каждого есть свое детство, которое не забывается — хорошее оно или плохое. Несмотря на то, что была война и голод, было. Но тем не менее, все это остается твоей малой родиной, твоим детством. Вспоминаешь что-то светлое, самое счастливое...

Я очень много езжу по стране, вижу как различаются люди...

На Камчатке и во Владивостоке люди портятся. Там пошнырять можно, там все "бабки" копят. Средняя полоса у нас заснувшая — она озадачена, по-моему, с семнадцатого года... А в Забайкалье люди... Возможно, потому, что здесь суровый климат, один не проживешь, надо прислушаться, чтобы и другому помочь. У них другие глаза... Вот у вас. Сразу можно опре-

делить, что вы не москвич и не киевлянин.

Корр: Кем у вас работает жена, есть ли дети?

Соломин: Вон одна ходит, вторая учится в школе-студии ансамбля Моисеева. У нас очень тяжелая работа — с восьми утра до восьми вечера... Жена в журнале мод, по профессии она модельер.

Корр: Мне помнится она снималась в кино. Я имею в виду "Городской романс".

Соломин: Эпизод ее жизни. Она — профессиональный художник, это она умеет. Она мне очень помогает. И не так уж важно, стоит ее имя в титрах и программах или нет. Она любит свое дело...

Корр: Собираетесь ли вы побывать в городе своего детства?

Соломин: Для туризма наши города не приспособлены. В Чите у меня родственников нет, ехать не к кому. Хотелось бы своих детей привезти, чтобы они познакомились с Забайкальем, с этим замечательным краем, его людьми. Хотелось бы сыграть в вашем театре, но никто ни меня, ни Юрия не приглашает... Мне звонили однажды. Я спрашиваю, какой репертуар? Репертуар тот, в котором я не играю. А есть города, которые специально для меня, для нас спектакли ставят. Скажем, "Царь Федор", "Не все коту масленица", "Ревизор". В этих спектаклях я и мой брат играем. И мы ездим в чужие города, а домой, на родину не можем. Идея эта старая. Можно и нужно приглашать известных актеров из столичных театров. Это очень бы оживило местную жизнь.

Корр: Что вы можете пожелать землякам-чинтинцам?

Соломин: Живите посчастливее, чем вы живете. Желаю, чтобы заинтересовались театром, как интересовались им после войны. В Чите очень, как ни странно, популярен был театр, очень посещаем.

По своему детству помню. Чтобы вернулось ощущение желания жить. Жить интересно. Надо, чтобы в Забайкалье возродилось высокое искусство.

Я считаю Забайкалье, Читу центром культурным. Только подумайте, сколько там за всю историю перебивало, пересидело народу и не только при царе... А ведь это в большой своей основе были люди образованные, талантливые, с передовыми взглядами. Там очень мощные пласты культуры. Долг актера — помочь зрителю. Надо вместе выходить из состояния клинической смерти, выкарабкиваться из пропасти культурного упадка.

ОТ АВТОРА.

Когда талантливый актер попадает в театральную западню, выбраться оттуда под силу целеустремленной, уверенной в себе личности. Виталий Соломин из таких.

Кстати, первый его спектакль в театре "Детектив" принадлежит перу французского драматурга Роберта Тома "Западня для одинокого мужчины". И весь тут сказ.

КАК АУКНЕТСЯ

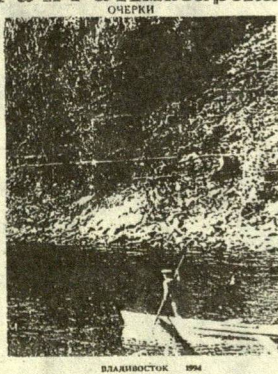
ходом Бытия — это он, Сажин, мудрец и простак, лирический певец и тягловый пахарь, весь светится, вольно дышит, любуется миром, собой, соседями по улице и по веку.

В традиционной поэзии работать чрезвычайно трудно, может быть, даже невозможно — остается петь только любимое, дорогое так беззаветно, чтобы выплывала собственная мелодия. Куда ни кинь — везде клин. Тут Фет и Некрасов, там Никитин с Кольцовым, чуть дальше Есенин, Клюев, Рубцов. Где найти нехо-

женную тропку, как не впасть в банальность, вторичность, перепев известного? Вообще, что можно сказать о русской сельской природе после гениальных и блистательных мастеров российской словесности?

Владимир Сажин — находит. Ищет, срывается, идет задами-огородами и переулками, и плутает, но все же — ого! — чаще и чаще стал выходить на широкую улицу самородной поэзии.

Тайга Амазарская

Удивительное дело — в России нового времени рухнули не только идеологические барьеры, но и географические перегородки, не позволяющие раньше, допустим, поэту из Читы печатать книжку стихов в Омске или Пензе.

Книга Алексея Квического "Тайга амазарская", действие которой происходит в Могочинском районе нашей области, вышла во Владивостоке. И, как говорится, ничего не случилось — не

обмелела бухта Золотого Роба, не упала вышка приморского телевидения...

Автор родился у истоков великого Амура, стал инженером-электронщиком на Забайкальской железной дороге. Рассказы на таежные темы писал и печатал в "Забайкальском рабочем", "Забайкальской магистрали", районной газете "Могочинский рабочий".

История освоения верховий Амура казаками-землепроходцами; первые стан-

ции Транссиба — Шилка, Могоча, Амазар — маньчжурские тигры и амазарские таймени; изюбри и волки, белковщики и медвежатники, отчаянные вруны и молчаливые угрюмые следопыты, берданы, винтовки, ружья, жимолость и брусника, панты и кабарожья струя, — какой дразнящий набор экзотики, притяной, дикий, очаровательный и страшной, тайной и завораживающей душу природы Забайкалья.

Дед Пушкина в Забайкалье...

Бомбардир-поручик Абрам Петрович Ганнибал родился лет триста назад (точная дата неизвестна) в Северной Эфиопии, а умер в Суйде, под Петербургом.

Иркутский литератор Марк Сергеев рассказал о сложных придворных интригах, приведших "арапа Петра Великого" в Забайкалье и затем вызволивших его оттуда.

Близкий к кружку Волконских-Бестужевых, подвергнувшись опале светлейшим князем Меншиковым, он был в 1727 послан под каким-то предлогом в Казань. Оттуда, через несколько дней — в Тобольск с приказанием "построить крепость против сочиненного чертежа". Ганнибал был образованным военным инженером, учившимся в Париже, а затем и препода-

вавшим в Петербурге. Более того, он не только в теории, но и на практике знал фортификационное дело: участвовал в франко-испанской войне. Тем не менее, получив указание Меншикова, он отвечает отговорками, ссылками на свой малый опыт. Видимо, уже тогда он заподозрил, что его просто сылают. Основания для подозрения были: Ганнибалу "забыли" назначить жалованье. (Еще два года он будет слать в столицу послания о том, что с мая 1727 денег не получал). А в Тобольске его ждет уже новое распоряжение: ехать на китайскую границу под начало Саввы Рагузинского, того самого, который выкупил Ганнибала из плена в Константинополе. Всего три дня пробыл Абрам Петрович в Тобольске и направился в Томск. Отту-

да — в Иркутск, куда прибыл в январе 1728, а затем, по байкальскому льду — в Селенгинск. В реляциях он постоянно жалуется на непригодность местности для строительства, отсутствие инструментов, денег (снова денег!), но современные краеведы все же считают, что крепость, остатки которой сохранились близ Кяхты, была воздвигнута им.

Меншиков пал и сам был сослан в Сибирь, воцарилась Анна Иоановна, и с нею появился новый фаворит — Бирон. А Ганнибалу все еще не позволяли вернуться. Он пытался самовольно поехать в Тобольск, его под караулом вывели в Томск (наконец оправдав ему жалованье из доходов Сибирской губернии), но только в феврале 1730, предположительно по ходатайству еще одного царедворца (и тоже в будущем сибирского ссыльного), Б.Х. Миниха, определили в Тобольский гарнизон, присвоив очередное воинское звание майора. Здесь он пробыл до конца года, а затем был переведен в Ревель (Таллин).

С. КАМЫШАН.

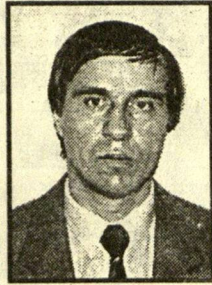
Николай Чурихин

Военный журналист, работает в газете Забайкальского военного округа "На боевом посту". Учится заочно в литературном институте им. А.М. Горького. Живет в Чите.

Александр Борিশонов

Родился в Чите. Первые стихи опубликовал в газете "Комсомолец Забайкалья". Автор книги "Откровения с галерки".

Николай Мусташин

Николай — коренной забайкалец. Его поэзия чужда уловчатости и риторической недосказанности. Он крепок телом и очень мягок душой. Одно слово — лирик.

ОТГОЛОСКИ

Ольга Коваленко

Придет мысль. Откуда она? Отголосок давно прочитанного? Услышанного? Когда-то пережитого? Не успеешь записать, быть может, не возвратится больше... Сохранилось кое-что из "уловленного". Только мои ли это мысли? Не знаю. Отголоски...

Во всех знакомых наши отражения, и каждый думает, что они подлинные. Сон — раскачиваясь амплитуда земной жизни. В нем мы или сверхспособны, или неспособны ни на что. Сон — реальность, но какой бы прекрасной она не была, страшно, если не кончится.

Кто знает, может твоя тюрьма — это просто крыша над головой на сей день.

То, что хотят забрать у тебя — не твое. Твое только то, что ты сам отдал.

Чем больше замков на дверях, тем страшнее.

Все совершается задолго до того, как мы начинаем верить в это.

Одиночество — время перелета с одного уровня общения на другой.

Меня нет среди вас. И там, где надлежит быть — тоже нет. Ибо я в пути. И дай мне Бог не заплутаться.

Надо все делать с душой, даже самое малое дело... В жизни будет смысл, движение вперед.

Пройти бы по жизни с факелом. Кого-то согреть, кого-то обжечь... И чтобы после смерти люди ощутили ноющую пустоту...

Сначала ищут счастья в земной любви. И не находят. Потом — в покое. И там его нет. Оно, настоящее — только в служении. А смысл этому — только вера.

Сатана тоже дает энергию. Но энергия Бога, в конце концов, вытаскивает человека из трясины, а сила, данная Злом, пожирает владеющего ею.

Мы — суть проводника Высшей Воли. Мы настолько чутки к принятию сигналов, насколько чиста наша сущность. Мы должны стать Большим ухом, нервом, и неустанно освобождаем свой ум от мелких, назойливых, незначительных мыслей, засоряющих эфир.

Не "он — лучшее меня", а "я — хуже себя". Изменяя мир к лучшему, начиная с себя...

ПЕРЕПЛЕТ

Когда коллеги по обучению спрашивают меня, почему я выбрал живопись на почтовых миниатюрах как тему коллекционирования, я шутя отвечаю: "Так как подлинники картин художников мне не по карману, я решил приобретать их копии... на почтовых марках".

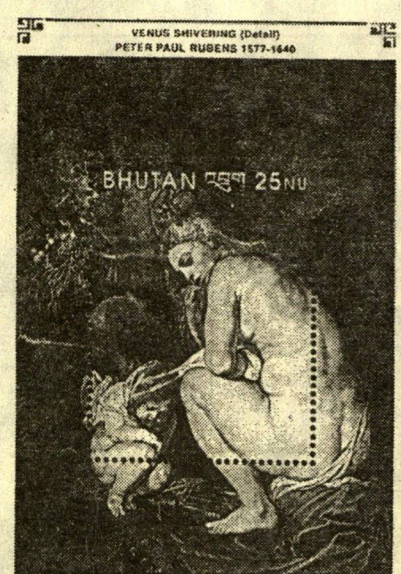
Мне удалось подготовить филателистическую экспозицию "Король живописцев и живописец королей" и устроить выставку в областном художественном музее.

Рад возможности представить вам сегодня небольшую главу из моей рукописи.

А РУБЕНС-ТО ПРАВ!

Вячеслав Сериков

участники Вакхических оргий, то сама превращается в козлоногую сатирессу. И если итальянцы предпочитают золотистые тела, смягченные и искусно идеализированные формы, то Рубенс создает свой, неповторимый тип женской красоты: довольно

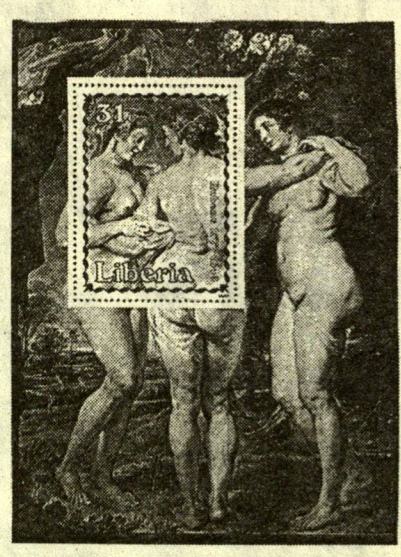
щими, которые весят на 10-20 килограммов выше нормы, имеют гораздо больше шансов дожить до глубокой старости, чем обладательницы идеального веса.

В течение десяти лет Х. Ваалер сопоставил продолжительность жизни двух миллионов норвежцев с их весом и пришел к выводу, что организм женщины с идеальным весом (рост в сантиметрах минус сто и минус десять процентов) не обладает необходимой сопротивляемостью болезням. А женщины, чей вес превышает норму на 10—20 килограммов, отличаются крепким здоровьем.

Но и тут нужно быть начеку: стоит лишь переступить порог "рубенсовского" идеала, и вы получите обратный эффект. Да простят меня мужчины, для них лишний вес опасен!

Вроде бы трудно провести параллель между женщинами XVII века и нашими современницами, обеспокоенными излишней полнотой. Что только не делают они, чтобы достичь идеального веса, рекомендуемого медициной. Одни воздерживаются от мучного или ограничивают себя в еде, другие просто голодают, испытывают на себе все новейшие теории мгновенного похудения и так далее.

Но оказывается, что теоретики от медицины в очередной раз "перепугали палку", а Рубенса его интуиция и чутье не подвели. Норвежский специалист по проблемам питания Ханс Ваалер призывает к борьбе против всеобщей мании похудения. Он утверждает, что жен-

КРУТОЙ СЛОГ

Непонимание и потрясение пережили мы, читая открытое письмо старейшего забайкальского писателя, уважаемого нами Виктора Брониславовича Лавриняйтиса. Утаить письмо — не в наших правилах, оправдываться вроде бы не в чем.

Наше решение было соломоновым — пусть читатели определяются с чувствами и пристрастиями не с нашей подачи, а исходя из любознательности над авторским словом, исполненным начал добра и зла, истины и заблуждений. Ведь и мир наш был сотворен словом, пребывающим в божьих устах.

Редакционный совет.

Н едавно по телевидению демонстрировался фильм "Они сражались за Родину". У многих всплыли в памяти годы Отечественной войны — страдания, смерть, танки, пушки, неслыхаемое мужество советских людей. С экрана обыденно, как о само собой разумеющемся, было сообщено, что в действующем подразделении почти все коммунисты. Это, видимо, было типично в сражающихся с фашистами армиях. Старые россияне помнят, что солдаты и офицеры пе-

ред боем писали: "Хочу идти в бой коммунистом".

Фильм продемонстрировал. Отзвучали юбилейные речи. Хотя бы в юбилейные дни к коммунистам следовало относиться с должным уважением. Ничего подобного. Буквально через считанные часы демонстрировался другой фильм — "Любовь с привилегиями". Где образ коммуниста вызывает омерзение. Шла и продолжает идти настоящая травля коммунистов. Травля ожесточеннее травли волков. "Ату их! Ату!"

К этим воплям присоединила свой голос "Чита литературная" (№ 1 от 8 июня с.г.) Я имею в виду очерк В.Г. Балаян "Страдальная мать". Правда, голос этот, как подобает газетному интеллигенту, осторожный, деликатный, без лозунгов, без называния имен, партий, страны. Однако действие этого голоса и по замыслу, и по исполнению таково, что крик с голубого эк-

рана: "Голосуйте за свободную Россию!", кажется просто лепетом. Смерть девушки, описанная подробно, хорошим языком с запоминающимися сравнениями, яркими эпитетами потрясает каждого человека.

"Чита литературная" затеяла этот разговор, полный ненависти к Советской России. Я считаю, что имею право высказать свое мнение. Да, все, что описано в очерке "Страдальная мать". Раскулачивали, выкидывали из домов, выселяли из деревень. Арестовывали, пытали, расстреливали. У нас с женой в годы культа личности погибло четыре близких человека. У женой раскулачен, затем осужден по 58 статье и умер в лагере или расстрелян отец, житель села Улеты Середина Александр Амосович.

Все было.

Но все это фактически уже история. Нет в живых некогда раскулачен-

ных и репрессированных. Даже дети их давно пенсионеры. Зачем же без конца расстрелять раны? Мне кажется, самое лучшее, что зарождается в человечестве, проходит с ужасными потерями для самого человечества.

Религия сейчас — самое светлое и святое для подавляющего большинства населения нашей планеты. А сколько на советской территории человеческих жизней? Сколько сожжено в религиозных войсках? Никто не напоминает религии о ее прошлом. Так почему же сможем прошлое коммунистической партии? Ведь у коммунистов и у религии одна мечта: равенство и счастье всех людей. Повторяю: страшное у коммунистов — уже история. Одно из определений интеллигента — мыслящий, умный. "Чита литера-

Виктор Балаян

ВСТРЕЧИ РУЧЕЙ

П о чему так хорошо мне в преддверии лета? Почему милы мне шум сосен, шелест листвы берез, дух нагретой солнцем хвои? Мне кажется, в какой-то другой своей жизни я любила, очень любила какого-то человека. Наверное, именно в это время мы часто встречались в лесу: может быть, косили отаву на полянах, может, брали ягоду, может, просто виделись с ним там втайне ото всех или от кого-то.

Мы шли с ним, шумел тихонько лес, пели птицы, стрекотали скачки, пахло грибами и хвоей, в просветах между вершинами деревьев синело небо, плыли белые облака.

Он был молодой, ладный с лица и stature, я — тоже молодая, голубоглазая, русокожая, робкая. Лилась и лилась наша согласная беседа. Мы шли, не ведая куда, только бы вместе, только бы идти и говорить, только бы слушать друг друга...

И теперь в тихом шуме леса, в шепете птиц чудятся мне эти наши речи: его пылая, моя — крохотная...

Широко, желтый, жарко горит под закатными лучами тайга. Черная зелень сосен углубляет прощальное сияние лиственниц, поредевшие золотые березы, багровые осины.

В неглубокой ложине за поселком среди бурных кустов жимолости и ряжи папоротников бежит таежный ручей. Кто-то сделал из камней запруду, умело пристроил обструганный деревянный желобок, из него бьет сильная струя студеной прозрачной воды. В плесе возле запруды дрожит зеркальное отражение кустов, бероды сосен, нежный румянец предвечернего неба.

Я люблю прийти сюда, присесть на валежник, слушать говор ручья, думать...

Кто сделал эту запруду, желобок? Когда? Для кого? Может быть, мастер знал: я стану ходить сюда, гулять на горы, слушать ручей, грустить, что уходит лето, что в праздник этот осенний, роскошный, мне некогда сказать тихое сердечное слово...

Может быть, он также и о том же грустил?

ЧИТА литературная

МЫ ВСЕМ ОБЯЗАНЫ КОМПАРТИИ

Открытое письмо в газету "Чита литературная"

ред боем писали: "Хочу идти в бой коммунистом".

Фильм продемонстрировал. Отзвучали юбилейные речи. Хотя бы в юбилейные дни к коммунистам следовало относиться с должным уважением. Ничего подобного. Буквально через считанные часы демонстрировался другой фильм — "Любовь с привилегиями". Где образ коммуниста вызывает омерзение. Шла и продолжает идти настоящая травля коммунистов. Травля ожесточеннее травли волков. "Ату их! Ату!"

К этим воплям присоединила свой голос "Чита литературная" (№ 1 от 8 июня с.г.) Я имею в виду очерк В.Г. Балаян "Страдальная мать". Правда, голос этот, как подобает газетному интеллигенту, осторожный, деликатный, без лозунгов, без называния имен, партий, страны. Однако действие этого голоса и по замыслу, и по исполнению таково, что крик с голубого эк-

рана: "Голосуйте за свободную Россию!", кажется просто лепетом. Смерть девушки, описанная подробно, хорошим языком с запоминающимися сравнениями, яркими эпитетами потрясает каждого человека.

"Чита литературная" затеяла этот разговор, полный ненависти к Советской России. Я считаю, что имею право высказать свое мнение. Да, все, что описано в очерке "Страдальная мать". Раскулачивали, выкидывали из домов, выселяли из деревень. Арестовывали, пытали, расстреливали. У нас с женой в годы культа личности погибло четыре близких человека. У женой раскулачен, затем осужден по 58 статье и умер в лагере или расстрелян отец, житель села Улеты Середина Александр Амосович.

Все было.

Но все это фактически уже история. Нет в живых некогда раскулачен-

ных и репрессированных. Даже дети их давно пенсионеры. Зачем же без конца расстрелять раны? Мне кажется, самое лучшее, что зарождается в человечестве, проходит с ужасными потерями для самого человечества.

Религия сейчас — самое светлое и святое для подавляющего большинства населения нашей планеты. А сколько на советской территории человеческих жизней? Сколько сожжено в религиозных войсках? Никто не напоминает религии о ее прошлом. Так почему же сможем прошлое коммунистической партии? Ведь у коммунистов и у религии одна мечта: равенство и счастье всех людей. Повторяю: страшное у коммунистов — уже история. Одно из определений интеллигента — мыслящий, умный. "Чита литера-

ных и репрессированных. Даже дети их давно пенсионеры.

Зачем же без конца расстрелять раны?

Мне кажется, самое лучшее, что зарождается в человечестве, проходит с ужасными потерями для самого человечества.

Религия сейчас — самое светлое и святое для подавляющего большинства населения нашей планеты. А сколько на советской территории человеческих жизней? Сколько сожжено в религиозных войсках? Никто не напоминает религии о ее прошлом. Так почему же сможем прошлое коммунистической партии? Ведь у коммунистов и у религии одна мечта: равенство и счастье всех людей. Повторяю: страшное у коммунистов — уже история.

Одно из определений интеллигента — мыслящий, умный. "Чита литера-

турная" была обязана подсказать Виктору Геннадьевичу, что в очерке она допустила досадную ошибку. Она пишет: "Люди здесь неприветливые, такое бывало, что собаками нас травили." Это о сибиряках, о забайкальцах, которые, наоборот, славятся приветливостью и гостеприимством!

Я полгода работал со спешерселенцами (с бандеровцами) на бирже мозгового леспромхоза. Местных жителей работало на бирже не мало. Но ни одного грубого слова в адрес спешерселенцев я не слышал. Ни единого! Да они и не заслуживали грубости — работали безукоризненно. Знал их судбу, мы жалели их. Ведь тогда многие из нас были обожжены или раскулачиванием, или тридцать седьмым.

Нельзя чернить все и вся. Выпад "Читы литературной" против коммунистической партии, который мы обязаны грамотностью, образова-

ту выработанных здоровых устоев во взаимоотношениях староверов друг с другом, правил жизнеповедения во всех сферах хозяйственной и личной жизни.

Автор обоснованно считает необходимым внести свою лепту в понятие

главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

Ф. Болонев не обходит вниманием важный вопрос: как случилось, что покрытые огромными расстояниями, попав в новые довольно суровые природно-климатические условия, старообрядцы не только выстояли, но и с момента своего поселения на необжитых территориях имели устойчивую и постоянную тенденцию к приросту своей численности. Ответ, который дает автор, достаточно убедителен — нравственная, духовная высота этического самосознания, строгое следование в бы-

ту выработанных здоровых устоев во взаимоотношениях староверов друг с другом, правил жизнеповедения во всех сферах хозяйственной и личной жизни.

ЧИТА литературная

турная" была обязана подсказать Виктору Геннадьевичу, что в очерке она допустила досадную ошибку. Она пишет: "Люди здесь неприветливые, такое бывало, что собаками нас травили." Это о сибиряках, о забайкальцах, которые, наоборот, славятся приветливостью и гостеприимством!

Я полгода работал со спешерселенцами (с бандеровцами) на бирже мозгового леспромхоза. Местных жителей работало на бирже не мало. Но ни одного грубого слова в адрес спешерселенцев я не слышал. Ни единого! Да они и не заслуживали грубости — работали безукоризненно. Знал их судбу, мы жалели их. Ведь тогда многие из нас были обожжены или раскулачиванием, или тридцать седьмым.

Нельзя чернить все и вся. Выпад "Читы литературной" против коммунистической партии, который мы обязаны грамотностью, образова-

ту выработанных здоровых устоев во взаимоотношениях староверов друг с другом, правил жизнеповедения во всех сферах хозяйственной и личной жизни.

Автор обоснованно считает необходимым внести свою лепту в понятие

главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

Ф. Болонев не обходит вниманием важный вопрос: как случилось, что покрытые огромными расстояниями, попав в новые довольно суровые природно-климатические условия, старообрядцы не только выстояли, но и с момента своего поселения на необжитых территориях имели устойчивую и постоянную тенденцию к приросту своей численности. Ответ, который дает автор, достаточно убедителен — нравственная, духовная высота этического самосознания, строгое следование в бы-

О «ТВЕРДЫНЯХ СТАРООБРЯДЧЕСТВА»

главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

Ф. Болонев не обходит вниманием важный вопрос: как случилось, что покрытые огромными расстояниями, попав в новые довольно суровые природно-климатические условия, старообрядцы не только выстояли, но и с момента своего поселения на необжитых территориях имели устойчивую и постоянную тенденцию к приросту своей численности. Ответ, который дает автор, достаточно убедителен — нравственная, духовная высота этического самосознания, строгое следование в бы-

ЧИТА литературная

турная" была обязана подсказать Виктору Геннадьевичу, что в очерке она допустила досадную ошибку. Она пишет: "Люди здесь неприветливые, такое бывало, что собаками нас травили." Это о сибиряках, о забайкальцах, которые, наоборот, славятся приветливостью и гостеприимством!

Я полгода работал со спешерселенцами (с бандеровцами) на бирже мозгового леспромхоза. Местных жителей работало на бирже не мало. Но ни одного грубого слова в адрес спешерселенцев я не слышал. Ни единого! Да они и не заслуживали грубости — работали безукоризненно. Знал их судбу, мы жалели их. Ведь тогда многие из нас были обожжены или раскулачиванием, или тридцать седьмым.

Нельзя чернить все и вся. Выпад "Читы литературной" против коммунистической партии, который мы обязаны грамотностью, образова-

ту выработанных здоровых устоев во взаимоотношениях староверов друг с другом, правил жизнеповедения во всех сферах хозяйственной и личной жизни.

Автор обоснованно считает необходимым внести свою лепту в понятие

главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

Ф. Болонев не обходит вниманием важный вопрос: как случилось, что покрытые огромными расстояниями, попав в новые довольно суровые природно-климатические условия, старообрядцы не только выстояли, но и с момента своего поселения на необжитых территориях имели устойчивую и постоянную тенденцию к приросту своей численности. Ответ, который дает автор, достаточно убедителен — нравственная, духовная высота этического самосознания, строгое следование в бы-

О «ТВЕРДЫНЯХ СТАРООБРЯДЧЕСТВА»

главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

Ф. Болонев не обходит вниманием важный вопрос: как случилось, что покрытые огромными расстояниями, попав в новые довольно суровые природно-климатические условия, старообрядцы не только выстояли, но и с момента своего поселения на необжитых территориях имели устойчивую и постоянную тенденцию к приросту своей численности. Ответ, который дает автор, достаточно убедителен — нравственная, духовная высота этического самосознания, строгое следование в бы-

ЧИТА литературная

турная" была обязана подсказать Виктору Геннадьевичу, что в очерке она допустила досадную ошибку. Она пишет: "Люди здесь неприветливые, такое бывало, что собаками нас травили." Это о сибиряках, о забайкальцах, которые, наоборот, славятся приветливостью и гостеприимством!

Я полгода работал со спешерселенцами (с бандеровцами) на бирже мозгового леспромхоза. Местных жителей работало на бирже не мало. Но ни одного грубого слова в адрес спешерселенцев я не слышал. Ни единого! Да они и не заслуживали грубости — работали безукоризненно. Знал их судбу, мы жалели их. Ведь тогда многие из нас были обожжены или раскулачиванием, или тридцать седьмым.

Нельзя чернить все и вся. Выпад "Читы литературной" против коммунистической партии, который мы обязаны грамотностью, образова-

ту выработанных здоровых устоев во взаимоотношениях староверов друг с другом, правил жизнеповедения во всех сферах хозяйственной и личной жизни.

Автор обоснованно считает необходимым внести свою лепту в понятие

главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

Ф. Болонев не обходит вниманием важный вопрос: как случилось, что покрытые огромными расстояниями, попав в новые довольно суровые природно-климатические условия, старообрядцы не только выстояли, но и с момента своего поселения на необжитых территориях имели устойчивую и постоянную тенденцию к приросту своей численности. Ответ, который дает автор, достаточно убедителен — нравственная, духовная высота этического самосознания, строгое следование в бы-

О «ТВЕРДЫНЯХ СТАРООБРЯДЧЕСТВА»

главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

Ф. Болонев не обходит вниманием важный вопрос: как случилось, что покрытые огромными расстояниями, попав в новые довольно суровые природно-климатические условия, старообрядцы не только выстояли, но и с момента своего поселения на необжитых территориях имели устойчивую и постоянную тенденцию к приросту своей численности. Ответ, который дает автор, достаточно убедителен — нравственная, духовная высота этического самосознания, строгое следование в бы-

ЧИТА литературная

турная" была обязана подсказать Виктору Геннадьевичу, что в очерке она допустила досадную ошибку. Она пишет: "Люди здесь неприветливые, такое бывало, что собаками нас травили." Это о сибиряках, о забайкальцах, которые, наоборот, славятся приветливостью и гостеприимством!

Я полгода работал со спешерселенцами (с бандеровцами) на бирже мозгового леспромхоза. Местных жителей работало на бирже не мало. Но ни одного грубого слова в адрес спешерселенцев я не слышал. Ни единого! Да они и не заслуживали грубости — работали безукоризненно. Знал их судбу, мы жалели их. Ведь тогда многие из нас были обожжены или раскулачиванием, или тридцать седьмым.

Нельзя чернить все и вся. Выпад "Читы литературной" против коммунистической партии, который мы обязаны грамотностью, образова-

ту выработанных здоровых устоев во взаимоотношениях староверов друг с другом, правил жизнеповедения во всех сферах хозяйственной и личной жизни.

Автор обоснованно считает необходимым внести свою лепту в понятие

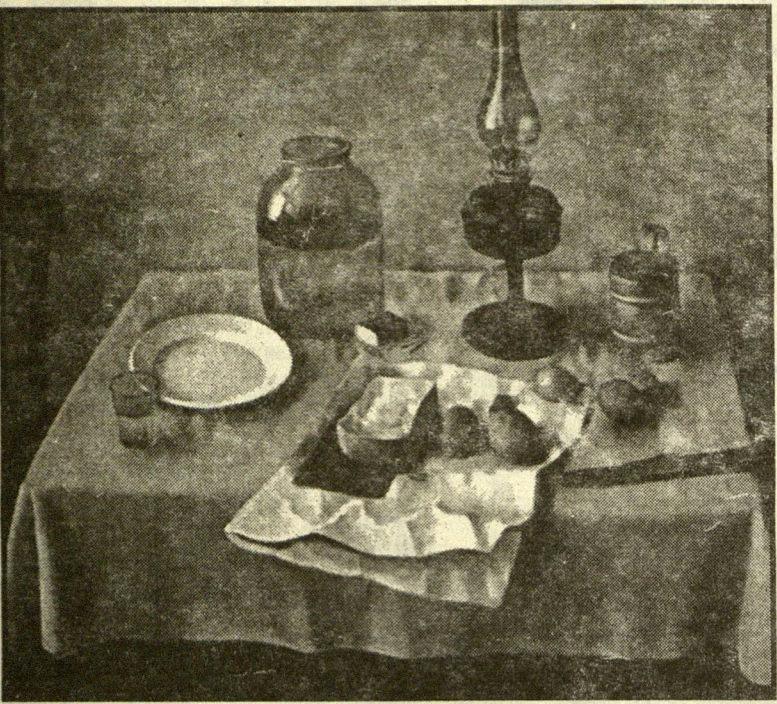
главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

Ф. Болонев не обходит вниманием важный вопрос: как случилось, что покрытые огромными расстояниями, попав в новые довольно суровые природно-климатические условия, старообрядцы не только выстояли, но и с момента своего поселения на необжитых территориях имели устойчивую и постоянную тенденцию к приросту своей численности. Ответ, который дает автор, достаточно убедителен — нравственная, духовная высота этического самосознания, строгое следование в бы-

О «ТВЕРДЫНЯХ СТАРООБРЯДЧЕСТВА»

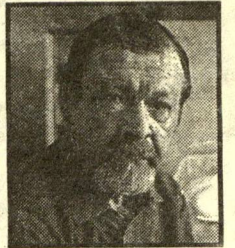
главный источник, как полевые этнографические и фольклорные материалы, добытые лично в двадцати одной экспедиции.

ВЕРНИСАЖ

Глядя на работы Я.И. Шплатова как-то не верится, что родился художник в Иркутской области, учился в средней полосе России. Так неотделим он сам и его творчество от нашего, порой Богом забываемого, Забайкалья.

Ян Шплатов

Полотна заслуженного художника России Яны Ивановны Шплатовой — это бескрайние просторы с редким кустарником и блюдами озер, укрытые снегом ли, смывые ли дождем, но всегда узнаваемые, родные. Обращается ли художник к городскому пейзажу, или, как очарованный странник, бредет ли по распадку между лесистых сопок, мы всегда ощущаем удивительное чувство сопричастности с происходящим, близость к изображаемому. И хотя как такового действия на полотнах Яны Шплатовой не происходит, мы все же ощущаем биение пульса времени. Вот бежит по рельсам тепловоз, бредет меж кустарников стадо коров, или замер рыбак на берегу озера, трава которого еще дрожит от росы только что прошедшего ливня.

Все это нам знакомо с детства. Мы родились где-то на окраине села вон за той сопкой, а по этому осеннему лесу не раз бродили с корзинкой, а кто-то и с ружьем. Его картины — это негромкая песня о родине, так необходимая нам сейчас в это неспокойное время.

Его полотна всегда узнаваемы. Достаточно один раз увидеть — и Вас навсегда покорит негромкий голос творца, поющий о самом сокровенном. Приглушенный коло, ритм, понараженность композиционных решений, отсутствие внешней динамики говорит о высокой живописной культуре художника.

Талант Яны Шплатовой не остался незамеченным. В 1994 году он получил премию «Чита-Триумф-94», назначаемую раз в год президиумом областной конфедерации профессиональных творческих союзов Забайкалья. А с 1996 года он стал пенсионером Союза художников России, что заставляет нас верить в большие творческие удачи мастера, которые у него еще впереди.

Е.И. ИМАНАКОВА,
искусствовед.

Яна Ракитенко

Не забыть мне этого понедельника — 3-го декабря. На улицах лежал снег. Он искрился всеми цветами радуги на ярком солнце. Весело потрескивал мороз, природа не предвещала ничего плохого.

Я зашла в кабинет врача.

— Нам надо поговорить, — сказал доктор, усаживая меня в кресло.

— Необходимо Вас предупредить... Последние анализы показали, что положение Вашего мужа безнадежно...

— Как?! — воскликнула я и перед моими глазами закачалась в тумане электрическая люстра.

— Да, — продолжил доктор, — болезнь идет вперед и приняла теперь явно угрожающую форму.

Я похлодела, я напрягла мысли, чтобы понять весь ужас этого сообщения. Слезы остановились в горле.

— Боже мой! Да как же так?! Он такой мощный, у него крепкий организм, здоровы все органы...

— Все, кроме одного, — покачал головой врач, — если почек две, легких два и нарушение одного органа дублирует другой, то сердце одно. В нем давно тайлся порок, но был компенсированным, а теперь... — и врач развел руками. Отчаяние всей тяжестью придавило меня.

— Но что же делать?... Как поддержать его жизнь? — взмолилась я.

— Перед таким пороком медицина бессильна, — неумолимо ответил доктор.

— Хорошо, если дотянет до весны, но мы приложим все силы, чтобы его поддержать, облегчить страдания.

Когда я вышла на улицу, где так же светило солнце, то почувствовала, точно упала с какой-то высоты вниз. Я была уже не та, как полчаса назад и мир был кругом не тот...

И к чему жить, да и можно ли жить в этом гипнозе непрерывного страдания, на физические муки которого обречен он, а на моральные — я?

Уныло брела по улице, душили слезы и, может быть, даже вырывались наружу рыданиями или криком — не помню.

Странные звуки остановили меня. Откуда-то доносилось тихое мелодичное пение. Смотрю — церковь. Вошла. Не знаю, о чем молилась я, только когда вышла на улицу, мысли мои изменились.

Спаси его..., спаси, но как?! Надо всю жизнь посвятить этому, вложить в это всю душу и спасти дорогого человека, рядом с которым прошагали сорок лет. Как знать, бывают чудеса, бывают роковые ошибки медицины. Я должна, должна искать спасение.

— Да ничего особенного... Он очевидно не вполне понимает твою болезнь, говорит об укреплении организма, о всевозможной стимуляции и ничего конкретного. Я думаю, надо обратиться в институтскую клинику. Там есть хороший специалист по сердечно-сосудистым заболеваниям.

Заходя вперед, скажу, что все медицинские силы были задействованы, подключены профессора, сделан запрос в столицу, но ничего утешительного не последовало.

впился в мозг и сверлит, сверлит, вызывая поток мыслей.

Беда подкралась незаметно, тайно... Смерть здесь, у порога дома, а еще вчера... Боже, какая неожиданность! Какая нелепость! И хочется думать, что это только страшный сон, и я сейчас проснусь к живой и радостной действительности, но я даже заснуть не могу.

Славный мой, бесценный муж, отец моих детей. Сорок лет назад мы сошлись по великой любви. Наш медовый месяц длился пять лет... Весной только для нас цвела

гю. Удвоила внимание к нему, присматривалась к его лицу, прислушивалась к каждому слову и, слава Богу, не замечала ухудшения. Моя вера в возможность спасения не гасла. Случаются же на свете невероятные вещи. Вдруг окрепнет мышца и сердце заработает в полную силу.

Начался дачный сезон. Сколько воспоминаний связано с нашей дачей. Все видели мы здесь: радость первого урожая и горе от гибели наших пышных огурчиков и румяных помидор, выбитых градом, но какие это были мелочи по сравнению с настоящим.

Каждый гвоздь, каждая доска были прибиты здоровым, трудоспособным и очень энергичным мужем. Все земляные работы были на нем.

А как ему нравились цветы! У нас постоянно цвели гладиолусы, георгины, но больше всего он любил «тигровые» лилии. Они и сейчас цветут на нашем осиротевшем участке.

Они принялись и... на его могиле.

Были и раньше тревожные дни. Однажды тяжело заболела я, врачи приговорили к смерти. Но муж проявил чрезвычайную энергию, исколесил всю страну. На далеком Севере достал нужное лекарство, был чутким, внимательным, терпеливым. Все это и поставило меня на ноги. А когда болели дети, он мог сутками не спать, выхаживая своих дочерей. На производстве он также был незаменим. В ночь, полночь приходила машина. Авария... и он уезжал до утра.

В нем кипела жажда жизни. Теперь, когда оказался в страшном капкане, он стойко и мужественно переносил страдания, соглашаясь на все самые мучительные процедуры. Даже слезы, которые навертывались на глаза, когда он догадывался о грядущем, он тщательно скрывал от всех.

Врачи предрекали роковую весну — он умер в августе.

В моем окне зашло солнце, когда угасла дорогая мне жизнь.

Вот его могила, склоняюсь над памятником. Сердце кричит:

— Нет, там не он! — А разум твердит: — Все кончено.

Этот уголок я уберу цветами. Пусть солнце нежит их, пусть звезды небес сияют над этим приютом загробной жизни. Пусть шепчут сосны, слагая саги об ушедших от нас, пусть спят спокойно их мятежные души.

ДОКУМЕНТ
ПОСЛЕДНИЙ РЕКВИЕМ

Целая вечность прошла с той минуты, как я вышла из дома, на все уже гляжу другими глазами... Однако нельзя выдавать себя, чтобы не зародить каплю подозрения в его душу...

Но что с ним! Жив ли он сейчас, или, может быть, конец наступит раньше, и все это сказано, чтобы подготовить меня?

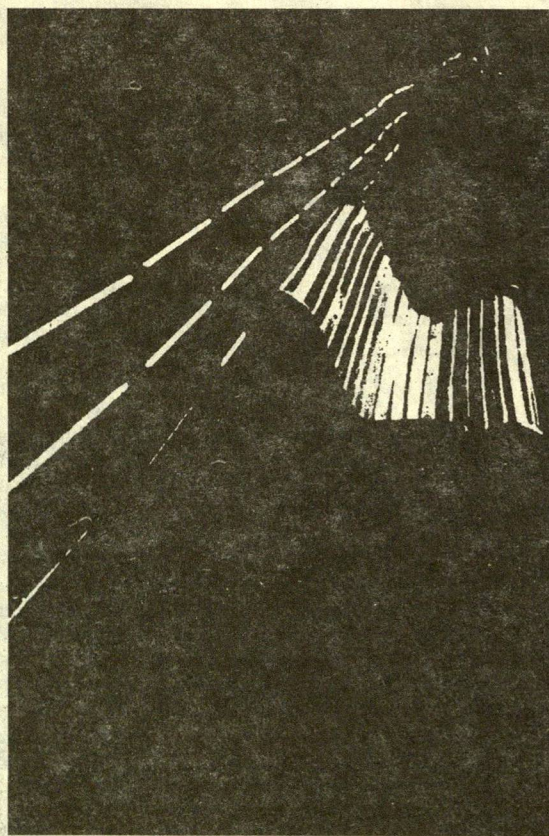
Бегом поднимаюсь по лестнице. Скорбь висит над нашей квартирой. С замиранием сердца открываю дверь. Он спокойно сидит на диване. Кудрявая шевелюра с благородной сединой склонилась над газетой. Когда я увидела это милое, бледное, родное мне лицо, то под предлогом переодеться — бросилась я в спальню, где рыдания, которые глушила подушкой, охватили с такой силой, что я потеряла контроль над собой.

Выручило грозное эхо войны. После службы в артиллерии притупился слух, и он моих стенаний не услышал.

— Да, чуть не забыла, — заметила я за обедом с притворной беззаботностью.

— Была у врача...

— Ну что же? — тревожно спросил муж, внимательно глядя на меня своими лучистыми голубыми глазами.

ПРОБА ПЕРА

Константин Милушкин

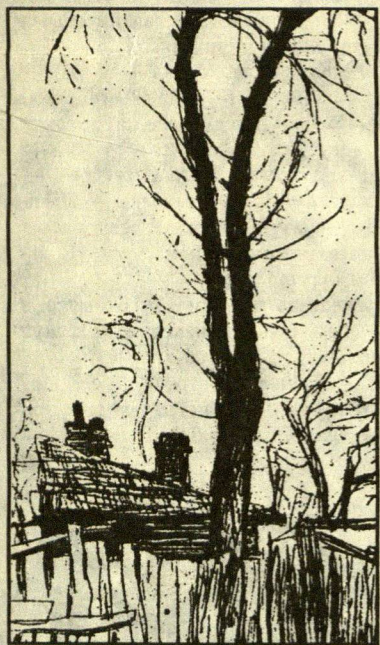
Это первая публикация Константина. Рабочий по профессии, чтинец по месту жительства, литератор по призванию, в поэзии — еще новичок.

А я сердце не вылюбил,
Не нагрелся под солнышком.
А искал тебя милая,
Как алмазное зернышко.
У холодного месяца,
Забываясь, протановал.
Счастье ягодкой светится,
А затронешь — растаяло.

РУСЬ

Золотая сережка месяца,
Звезд монисто — над Русью моей.
Лес черненький, дожди алмазные.
Да зеленые дали полей.
Под свирель хороводят ладунки.
Вышит день голубой бирюзой.
Прилетят и обронят ласточки
Узорочье малиновых зорь.
Только вздыбят

тучи нашествий —
Месяц саблей — над Русью моей.
И слезами дождь проливается
На багряные дали полей.

Ах, Забайкалье... сторона ты дальняя, неоглядная, раскидалась-разбросалась на сотни верст, и не на каждой версте тропа ухоженная, людьми или зверем утоптанная, нет — нет да и откроется немерянная пустошь: то в межречье поднимется блекло-сухой травой, то среди сопок протянется, изблескивая желтым шевелящимся песком; бывает глянет человек на пустошь, и на сердце у него делается угнетенно, тягостно, и не скажет, отчего так, но подумает про дальнее, неугадливое. Наверное отсюда, из дремного издалече, просочилось к угнетению склонившее людскую душу?... Наверное, так... Уж очень тут все словно бы не от мира ближнего, вот и в серых иссаченных камнях близ сопок иль в синем от изгубленного неба, как бы истайна, никому не в подчинение, лишь божьему соизволению, нечаянно отметится нездешняя вековечная неутошенность. Откуда бы взяться ей?... Но есть она, есть!... Вот смотрит человек на серые камни и в душе у него меняется, уж нету там ничего от прежнего тревожного чувства, в душе совершается что-то, и скоро там становится шемяще и больно... Человек старается не глядеть на камни, но не сразу умеет подчинить себя этому желанью, какая-то сила словно удерживает его, и он догадывается, что эта сила от забайкальской земли.

Так мнится каждому, хотя бы и сильному духом, стоит очутиться в пританном месте, близ дальней сопки. Он приметит, как уминается обжигающий пятки, изжелта темный и тяжелый песок под ногами, в нем все вязнешь, а скоро не чаешь, как выбраться и сбечь подальше, а еще он увидит низко зависающего над землей степного орла, в сущности ничем не примечательного, для любого другого места обыкновенного, но только не для этого, тут точно бы все иначе, укрупненно, что ли, утяжеленно, вон и мысли в голове, прежде легкие, невест о чем, а скорее, о многом сразу, когда и не знаешь, в какую сторону повернут, через минуту стали несуетны и угрюмоваты.

Ах, это чувство соединенности с небесным миром!... Оно только тут, в Забайкалье, опалает по-настоящему, истовое. Вот глянешь в небо, отвлекшись от камней, и увидишь там уже не орла, тот растаял в дрожавшем мареве, а обыкновенную черную ворону, и опять затомит на сердце, и не слабее, чем раньше, и воскликнешь тогда с тоской:

— Что со мною, Господи?!

А и вправду, что?... Но по прошествии времени, очутившись в ином месте, не скажешь, что было с тобой что-то непривычное, тягостное, точно бы ничего не было, исслабляется недавнее чувство, истенивается, попробуй отыщи его!... Да нет, не отыщешь, потому как напрягаться не хочется, в душе что-то упрямится... За-

ПРОЗА

Августейшему атаману

Забайкальского казачьего войска

Николаю Александровичу Романову посвящая.

Ким Банков

ЧТО СО МНОЙ, ГОСПОДИ?

Глава из романа

то вдруг утлит память сладостное для истомленного сердца. Невесть отчего, иной раз и малая серебристая рыбка, взыгравшая на тихой мерцающей воде, узрится ясно и ярко, и тогда ощутишь в груди радость. Закроешь глаза, чтоб подольше удержать ее, не страгивать с места, точно бы она живая, во плоти, и похожа на ту рыбку, которая, вот жалость-то, понемногу удаляется, пока не исчезнет вовсе, но — тшкетно, истайивает радость, а в памяти возникает еще что-то, к примеру, слабо колеблемая речным течением тонкая ивняковая ветка, как бы подымающаяся из воды, и радость, хотя и ослабшая, снова затеплится. Впрочем, ненадолго, это потому, что захочется понять, что происходит и отчего в душе такое откровенно ощущаемое неустойчивое?

— Что со мною, Господи? — снова скажется, но уже не с прежней тревогой, та точно бы затвердела и сделалась, как веревка, и эта веревка все натягивается, пожалуй, скоро не выдержит и лопнет.

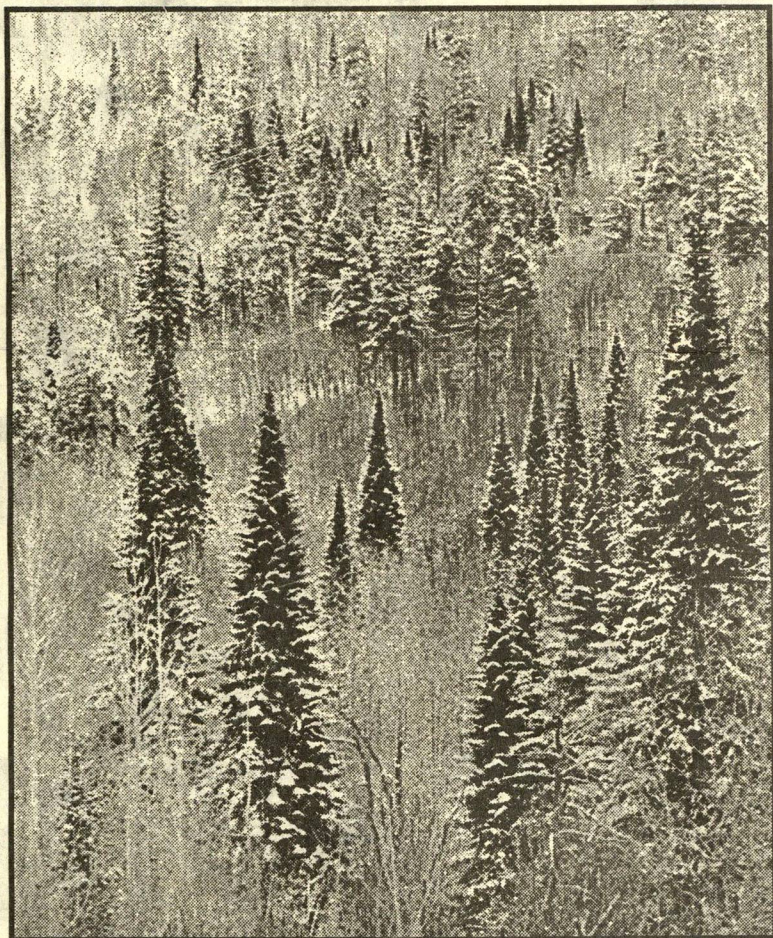
Чуть в стороне от сопок, южнее их, тянутся степи, изредка прорезаемые речушками, которые раз в году высыхают, но по весне при стаивании снега в колеблемых маревом синих горах делаются буйные и полноводные, вдруг да и накатит на берег мутная уныливая волна и почнет уминать, утаптывать, раскидывать все, что есть в зеленых низинках, порою и тяжелый сруб сорвет с места и понесет и потащит, столкнет в теперь уже, наверное, расшевеленное русло. А подчас происходит и вовсе удивительное, столь велика вода в речушке, прежде едва угляживаемой в высокой кустистой траве, степь на десятки верст затопляется ею, глянешь окрест, случайно очутившись на редком среди зеленопосверкивающей равнины чуть приметно вздыбленном угорье, и дух захватит, чувство такое, будто ты не в Забайкалье, а в широко и вольно легшем море, и вот-вот захлестнет тебя накачивающая волна... Ты невольно зажмуришься и трепетно делаешься в груди и вместе сладостно, словно бы и помереть не в диковинку... Но и то — ладно, что о смерти почти не ду-

мается, а ежели и принимается она частью твоего существа, то как бы не всеерьез, понарошке, оттого и страха нету и есть другое — что-то шемит, шемит на сердце, но опять же не сильно, при желании можно отвлечься и перекинуться на другое, правда, теперь не хочется этого, просто так, не хочется, и все. Пускай там шемит. Пускай! Вроде бы и жалко чего-то несодержанного, но и то хорошо, что срок еще не вышел, даст Бог, и ты встанешь на ту тропу, и благолепие откроется перед тобою и поманет, и примет.

Да, случается и так в Забайкальской степи, но чаще тут сухо и душ-

но, впрочем, не так, чтоб это угнетало и в груди делалось задыхливо и мутно, глаза бы ни на что не смотрели, нет, и духота тут особенная, она часто прерывается ветром, набегавшим с дальних гор, а нередко и принесенным от ближней речушки, в ней и в самую тишь не то чтобы неспокойно, а как-то расталкиваемо и пошептывающе, все в ней, протискивающей сквозь каменисто заматеревшее русло тихо журчащей воды, словно бы настороженно и норовит в любую минуту убыстриться, прибавить волну, заиграть ею весело ли, лихо ли, отторгши недавнюю присмирительность, которая не есть что-то от нее исходящее, а как бы данное свыше, словно бы в упреждение ей, склонной к переменчивости: мол, не больно озоруй, а не то иссякнешь и вовек не нальешься прежней силой. Внимательному взгляду откроется и эта тихая опаска в речном устоянии, но не сразу, а коль скоро от души отколется легкое и сияющее и падет на едва обозначенную волну, и в ней, измученной, тоже засветится, но слабо и тускло и... тревожаще. Эта тревога скажет о мимолетности того, что внешне неизменно в летах. Не всяк в Забайкалье знает, отчего так, и склонен думать, что это от внешних сил. Потому недолго мучает человека тревогой, он охотно подчинится тем силам и скажет чуть слышно, точно бы про себя:

— Господи! Господи!...

● ТРЕТЬЯ ОКТАВА ●

Леонид Авербахов, Засл. работник культуры России

Судьба песни, пожалуй, схожа с человеческой судьбой. Песням, по какому-то магическим законам, дано или "застрянуть в истории сита" или бесследно исчезнуть. И нельзя сказать, что этому критерий — лучше-

хуже. Палитра художественного восприятия мира человеческих переживаний, заложенных в песнях, также не двуцветна, образы восприятия могут быть как безобразны, так и прекрасны.

Песня прошла длинный эволюционный путь развития, как по поэтическому содержанию, так и по мелодике.

Известно, что хотя в мелодии человеческой речи "интервалика" точно не фиксируется, однако, довольно точно отражается эмоциональное состояние говорящего. Интонационный тип общения, а он в общении человека главный, стали называть "речевым жанром".

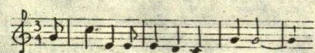
Расширяя коммуникативные свойства речи в мелодико-тексте можно с какой-то достоверностью изучить как таковую песню и попытаться найти законы, которые образуют песенную интонацию, делают ее запоминаемой и воспринимаемой.

Не вдаваясь в теоретические дебри, перечислю лишь главные интонации музыкального словаря: интонация скорби, интонация вопроса, ответа, речевая интонация.

Попытаемся проанализировать народную песню "По диким степям Забайкалья".

Мелодическую интонацию — образ данной песни можно разделить на четыре элемента, два из которых варьируются. Схема мелодики состоит из четырех фраз $a+b+a+b$.

Первая интонация относится к интонации, связанной с первичной голосовой реакцией крика, однако в нашем случае она выражает возглас радости и победы:

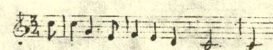
Этот широко распетый возглас во второй фразе переходит в мелодизированную повествовательную интонацию.

Третья фраза дает яркое отклоне-

ние от устоя, а эта неустойчивая интонация создает определенное возбуждение, она представляет собой мелодизированную интонацию скорби.

требующего постепенного завершения в устоя.

Мелодика данной песни, отталкиваясь от простых речевых интонаций, "мелодизируется", захватывая в процессе развития и собственно вокальные устойчивые интонации, делает музыкальную речь эмоционально выразительной. Эти интонации становятся настолько удачной находкой автора, что на их основе народ создает другие лирико-героические песни.

Мелодика этой лаконичной эмоционально содержательной песни, пожалуй, стоит в одном ряду с таки-

ми песнями городской лирики, как "Глухой неведомой тайгой", "Славное море, священный Байкал", да и, пожалуй, "Вечерний звон".

Они едины по интонационно-эмоциональному настрою.

Хочется подчеркнуть еще одну любопытную деталь. Эта песня, вернее всего созданная безымянным композитором, как бы сейчас сказали — бардом, в процессе своего бытования не только обросла вариантами мелодического и гармонического варьирования, но и, являясь исторически и социально значимой по теме, была распета и в крестьянской среде. В наших записях есть такая песня, записанная В. Волковым в с. Урлук.

Интонационно она резко отличается от широко известной песни, распетой в городской среде.

И, хотя эта песня не получила широкого распространения, у фольклористов есть основания говорить о процессе народного творчества как непрекращающемся.

ДРЕБЕЗЫ

Какой литературный или театральный праздник проходит без шуток, пародий, эпиграмм, стихотворных каламбуров, дружеских шаржей на участников и гостей, начальство и власть, местные нравы и достопримечательности.

Особенно ярким фейерверком юмора сверкал более двадцати лет праздник книги "Забайкальская осень". Сколько озорных и грустных, беспощадно-сатирических и хвалебных эпиграмм родилось в номерах гостиницы "Забайкалье", на площади, в ресторане, в кафе "Сибирь", в аэропорту, в студии телевидения, в поездках от Чикоя до Приаргунска. Сколько острого и разящего зубоскальства, незлобивых дразнилок, лихих приколов и небезопасных для авторов острот, анекдотов, баек и прибауток придумали два Марка—Соболь и Сергеев, два Василия—Балябин и Никонов, два Евгения—Рапопорт и Куренной, а также Георгий Граубин, Ростислав Филиппов, Михаил Вишняков, Вильям Озолин, Анатолий Чмыхало, Илья Фонаков, Яков Аким и еще добрых два-три десятка поэтов и прозаиков, участников "Забайкальской осени".

Здесь лишь малая часть многотомного юмористического наследия Читы конца XX века. Всех, кто что-то помнит или сообразил в свое время записать—шлите нам. Напечатаем. Но оплатим!

В мединституте есть декан,
а в деканате есть стакан.
Ах чтоб тому декану
налить нам по стакану!

Да! "Забайкальская осень"—эпоха
в стиле библейского тоху-во-боху,
что превратила и Славу, и Гогу
в неразбериху, точнее, в суматоху.

Есть поэтессы спорные,
их задавила плоть.
Эта же—просто сорная.
Критик, спеша полоты!

Существует корень зла;
спецпаек из спецбуфета.
Но когда же спецметла
выметет все это?

Плодовита и мастита
от макушки до подножья,
на Хрущева и Броз Тито
в совокупности похожа.

Обрусеть или обмонголиться,
даже обиспаниться,
чуть обалкологиться,
лишь не опузаниться.

Думаешь, раньше
спокойней жилось?

Брось ты, прозаик, наивничать.
Брось!
Все это враки.
Грызлись всегда за советскую кость
две-три-четыре собаки.

Конечно,
всегда побеждала сильнейшая.
А кость-то глодала,
конечно, подлейшая.

В Чите есть обком
В Иркутске обком.
О ком они помнят? Об ком?
О тех,

кто в газетах Советской страны
Умело их лижет пониже спины.

Живет в Египте. Гreet пузо.
Полу-фашист, полу-эсер,
Герой Советского Союза—
Гамаль Абдель На всех—Насер.

Пришли поэты на Т.В.
Один был Б., другой был В.
И только Ила
не подавала вида.

У Акима, у Яши
было в детстве две мамы.
Вот и вырос он таким
с краткой подписью А. Ким.

Идем в литературном мире,
ему до донышка верны.
Но, братья, не шагайте шире,
чем позволяют вам штаны.

Читинский вклад в литературу—
долгой халтуры!

Чита внесла (и очень кстати):
ЧИТВЕРГ,
ЧИТУШКА и
ЧИТАТЕЛЬ!

Здесь похоронен пародист-жучок,
его конец достоин удивленья:
вчера за ужином себя прочел—
и дуба дал от самоотравленья.

Как моряк, сижу в таверне,
вижу дождичек в окне,
забайкальский терпкий вермут
сладко булькает во мне.
Голосую (я—не школьник)
за "вермутский" треугольник—
"Ингоду", "Сибирь", "Метелицу"—
на троих одна не делится!

Созвездие Лев не для Овна.
Одна забайкальская Львовна
Облапила мило
Но не закусилась...
И близость осталась духовна.

У Сергея Забелина достаточно всего. Он достаточно молод, достаточно самостоятелен, достаточно женат и достаточно остроумен. Последнее его качество позволяет редакциям газет иметь талантливого автора, а Сергею—гонорар. Кстати, тоже достаточноный.

Сергей Забелин

ZOO...

Н

ачальник отдела кадров
сказал вежливо, но
твердо:
— Вакансий нет.
И объяснил на тот слу-
чай, если я не понял
значения слова "вакан-
сия".

— Нету у нас свободных мест.
Тем более, для вас, кандидата фило-
логических наук.

— Могу зоологам каким-нибудь
поработать,— робко предложил я.
— Или смотрителем вольеров. Раз-
датчиком кормов, если потребуется.
Билетером. Дворником. Дрессиров-
щиком, наконец.

— Дрессировщики нам не нуж-
ны. Здесь не цирк, а зоопарк. Звери
у нас—люди вольные, хотя и в
клетках. Но на задних лапах не хо-
дят. Могут и по матушке послать.

А что касается зоологов... Был
тут один ихтиолог. Рыб изучал. До
того увлекся, что всех на уху пере-
вел. Даже ядовитую японскую рыбу
фугу умудрился съесть. И хоть бы
что. Орнитолог тоже оказался хо-
рош гусь. Птичек исследовал. Все
перья у павлина повывергивал и на
"толчок" отнес. Из страусиных яиц
яичницу жарил, стервец. Нет, зоо-
логи нам больше не нужны. Двор-
ников мы перевели на бригадный
подряд, и они вывели всех билете-
ров. Вместе с кассиром. Раздатчи-
ками кормов по совместительству
устроены рубщики мяса с рынка—
они чужих на пушечный выстрел не
подпустят. А на должность смотри-
теля вольеров требуются очень вы-
сокие рекомендации. Ну, очень вы-
сокие... Это после недавнего инци-
дента. Один смотритель обиделся,
что зарплату четыре месяца не по-
лучал. Взял да и выпустил из клет-
ки тигра. Тот устроил здесь такой
зоопарк! А потом сбежал на родину
в уссурийскую тайгу.

— Может быть, пока я его место
займу,— вновь робко предложил я.
— Временно, пока тигр из тайги не
вернется.

— Поздно. Уже занято. Многие
на это место рассчитывали: клетка
просторная, питание усиленное,
чаевые от посетителей.

— А как насчет льва?— набрав-
шись смелости, спросил я.

— Львиная доля не для вас,—
отрезал кадровик.— И даже не для
меня. Львом у нас—зять директо-
ра зоопарка.

— Я мог бы и вместо кенгуру по-
работать. Сумку на живот прищю.
А детишки—их у меня трое—бе-
гали бы вокруг да в сумку залезали.
Берите всех троих на полставки.

— Сумчатых мы сократили. От
них один ущерб. Как домой с рабо-
ты идут, норовят чего-нибудь в сум-
ку прихватить... На слона вы тоже
не потяните. Фигура, извините,
мелковата. К тому же, бивни слоно-
вые уже на сувениры пустили.
Орангутангами у нас бывшие спорт-
смены трудятся. Есть даже один
чемпион. Публика его узнает, авто-
графы просит.

Если подождете, через месяц
освободится место крокодила. Он
на пенсию уходит по состоянию
здоровья. Все время в воде, сырость
дает о себе знать. Ничего другого, к
сожалению, предложить не могу.

...Выйдя от начальника отдела
кадров, я бесцельно бродил среди
клеток и вольеров. Вокруг все были
заняты делом. Три американских
койота соображали на троих пуза-
тую "Черемуку на коньяке". Груст-
ный верблюд в тентежке покуривал
"Кэмэл". Четыре дикобраза увле-
ченно играли в преферанс. Одино-
кий бегемот читал "Советскую Рос-
сию". Серая волчица предпенсион-
ного возраста вязала детскую коф-
точку.

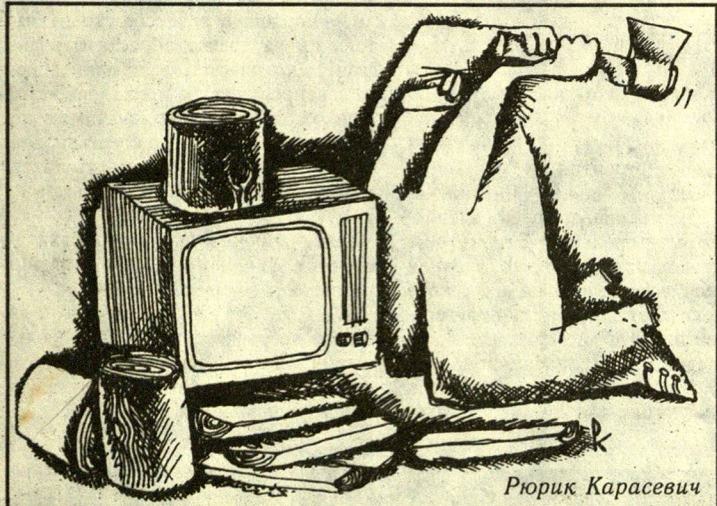
Я проголодался, и когда увидел
кусочек мяса в какой-то клетке, ма-
шинно потянулся за ним сквозь
металлические прутья.

— Куда полез, нахал!— я вздро-
нул от могучего медвежьего рыка.
— Положи мясо назад, а то руку
оторву!

— А, это вы, Петр Сергеевич,—
вдруг смягчился медведь.— Изви-
ните, сразу не узнал. Я ведь у вас в
институте на заочном учусь. На пя-
том курсе.

Медведь положил кусочек мяса в
полиэтиленовый пакет и протянул
мне:

— До скорой встречи на сессии.
Он еще не знал, что я уже три
месяца не работаю в институте.

Рюрик Карасевич

ФИРМА "НА ВЫНОС"

Спи, Вася!
Гордость коллектива,
Отдав земле земную плоть.
Она была такой активной.
Прости ее, Господь!

Не спрашивай, как я лежу?
Я вечности принадлежу.
Но не грущу насдине—
Ты вскорости придешь ко мне.

Ее права на славу хрупки,
и все же не лишена заслуг.
За то, что делала уступки
тебе и мне, мой старый друг.

ЧИТА ЛИТЕРАТУРНАЯ.
Приложение к газете
«Азия-экспресс».

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 3-90-08, 3-88-16

Выходит один раз в месяц.
Тираж 2000 экз.
Заказ №1611

Набор и верстка
АО СТС г. Чита.

Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Михаил Вишняков,
Георгий Граубин,
Евгений Куренной,
Юрий Крутов,
Михаил Константинов,
Рюрик Карасевич,
Эдвард Маковский,
Евгений Минашкин,
Федор Машенко,
Игорь Портнягин,
Вячеслав Токалин